

Александр Верещагин

За границей

Александр Васильевич Верещагин

За границей

Аннотация

«В начале января 1880 г. открылась выставка картин брата моего Василия в С.-Петербурге, на Фонтанке, в доме Безобразова. Вечером картины показывались при электрическом освещении. Выставка состояла из двух частей: из индийской, куда относились картины и этюды из путешествия по Индии, и из русской, содержащей картины последней русско-турецкой войны 1877–1878 годов...»

Содержание

Глава I	4
Петербург 1880 г. Выставка картин В. В. Верещагина	4
Глава II	15
Сборы за-границу	15
Деньщик Петров	18
Мираж	21
Глава III	24
Берлин	24
От Берлина до Кёльна	28
Жирардэ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Верещагин

За границей

Воспоминания и рассказы

Глава I

Петербург 1880 г. Выставка картин В. В. Верещагина

В начале января 1880 г. открылась выставка картин брата моего Василия в С.-Петербурге, на Фонтанке, в доме Безобразова. Вечером картины показывались при электрическом освещении. Выставка состояла из двух частей: из индийской, куда относились картины и этюды из путешествия по Индии, и из русской, содержавшей картины последней русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

О брате и о картинах его столько было пред этим писано во всех газетах, что без преувеличения можно сказать, весь Петербург разом бросился смотреть выставку. Как днем, так и вечером, давка стояла превеликая. Электрический свет устроил тогда сам изобретатель Яблочков и устроил его от-

лично. При этом надо сказать, что электричество для картин было тогда новинкой, за которую художника сильно порицали в газетах.

Я заранее списался с братом и просил у него позволения приехать с Кавказа в Петербург помогать в устройстве выставки. Помещение для картин мы нашли превосходное: семь зал, из которых самый большой был, по недостатку дневного света, освещаем и днем электричеством. Плату за вход назначили пять копеек.

Перед открытием, выставку посетил Великий Князь Владимир Александрович. Осматривал до малейших подробностей и, по-видимому, остался очень доволен. Брат тут же представил меня его высочеству.

Спустя порядочно времени, в самый разгар, когда публика валила к нам ежедневно тысячами, мы узнаем, что Император Александр II непременно желает видеть картины, и не на выставке, а у себя в Зимнем дворце.

А надо сказать, что все картины были в рамах, и некоторые из них колоссальных размеров. Поэтому можно себе представить, сколько нам предстояло затруднений. Главная же задача заключалась в том: как быть с публикой. Но все устроилось отлично. Объявили в газетах о перерыве, а затем, в назначенный день, утром, к нам явилась, не помню, рота или две, великанов преображенцев. Они подхватили картины, как есть, в рамах, и понесли их лёжма прямо во дворец. Я сопровождал их тогда. Потом приехал туда сам художник,

и в день-два картины были прекрасно расставлены в Белом Николаевском зале. Брату крайне не нравилось одно только, что зал белый, и, что снег, который изображался на некоторых его военных картинах, выходил желтее стен зала.

При осмотре картин государем, брат не присутствовал. Я же хотя и был в зале, но, перед самым приходом государя, ко мне вышел заведующий дворцом, генерал Дель-Садь, и объявил, что Его Величество желает осматривать картины совершенно один. Впоследствии брат передавал мне, что Государь почти перед каждой картиной останавливался, качал головой и с грустью восклицал: «все это верно, все это так было».

Через несколько дней выставка снова была открыта, и публика с удвоенным интересом бросилась туда.

По обыкновению, публика толпилась больше всего у «Панихиды». Вот, стою я вечером у этой картины. Несмотря на то, что здесь собралось более сотни человек, тишина царит полнейшая. Все стоят точно пригвожденные и не сводят глаз с картины. Со стороны можно было подумать, что присутствуешь при действительной панихиде. Я ухожу в глубь комнаты, сажусь на подоконник и смотрю на публику. Мне очень нравилось присматриваться и прислушиваться, что публика говорит и как относится к выставке. Вон одна барыня, с белым шерстяным платком на плечах, видно, как смотрела в бинокль, так и не хочет его опустить совсем, а держит у щеки и так пристально вглядывается в картину, точно хочет най-

ти знакомое лицо. Тоскливо качает она головой, достает из кармана платок и украдкой вытирает выступившие слезы.

Здесь, на выставке, я нередко встречал Михаила Дмитриевича Скобелева. Он часто забегал полюбоваться на картину «Скобелев под Шейновым». Как известно, «белый генерал» изображен здесь скачущим на белом коне вдоль фронта солдат, при чем срывает с головы своей фуражку и кричит им в привет: «именем отечества, именем Государя, спасибо, братцы!» Скобелев каждый раз приходил в великий азарт от картины, и, ежели при этом публики в зале было не особенно много, то бросался душить автора в своих объятиях. Я точно сейчас слышу, как он, обнимая брата, сначала мычит, а потом восклицает: «Василий Васильевич! как я вас люблю!» а иногда, в избытке чувств, переходил на «ты» и кричал: «тебя люблю». Случалось, что, обнимая брата, генерал, нет-нет да и меня обнимет. В одно из таких свиданий, Михаил Дмитриевич обращается ко мне и говорит:

– Вы знаете, что я, вероятно, скоро буду назначен командующим войсками Закаспийского края. Будем с текинцами воевать. Надеюсь, вы со мной?

Я, конечно, с восторгом поблагодарил генерала, и с тех пор моей заветной мечтой было, как-бы поскорей попасть к Скобелеву в этот поход. А это было не легко. Желających попасть к Скобелеву, в его личное распоряжение, была масса. К нему беспрестанно являлась молодежь-офицеры с рекомендательными письмами ото всех сильных мира сего. Конку-

ренция была громадная. Но, благодаря брату, я таки попал штаб-офицером по поручениям.

По окончании выставки, брат решил распродать свои картины, для чего он и устроил аукцион на самой выставке. Распродажу эту любезно принял на себя известный знаток и любитель живописи, литератор Дмитрий Васильевич Григорович. В газетах был заранее объявлен день торгов. Аукцион удался вполне. Съехалось множество любителей, и можно сказать, богатейших людей России. Кто сам не мог почему-либо приехать, тот или послал заместителя, или заранее просил Григоровича за такую-то картину идти до такой-то суммы. Цены были назначены братом, сравнительно для Петербурга, очень высокие. Помню, многих поражало то обстоятельство, что этюды, величиною всего каких-нибудь 6 вершков длины и 4 вышины, вдруг оценены были в 1000–1500 рублей.

Аукцион

Погода прекрасная. Сквозь спущенные шторы солнце мягко освещает всю серию индийских картин, выставленных в просторном зале. Посреди зала, за столом, расположились аукционисты. Возле них я вижу откинувшуюся в кресле, заложив ногу на ногу, представительную фигуру Григоровича, с карандашом в одной руке, и с каталогом в другой. Слегка украшенное вьющимися седоватыми бакенбардами лицо

его озабоченно, торжественно. Рядом с ним сидит известный художественный критик, Владимир Васильевич Стасов, друг и приятель брата моего. Громадный рост, длинные седые волосы и такая же борода резко выделяют его из всей публики. Стасов наклонил свою седую голову к Григоровичу и, прикрывшись рукой, шепчет ему что-то на ухо. Тот, в ответ, многозначительно кивает головой. Далее, полукругом сидят человек 60–70, жаждущих приобрести картины. Все любители, да все, по выражению Стасова, самые тузовые. Вон, в сторонке, скромно сложив руки на груди, стоит в черном сюртуке Третьяков, Павел Михайлович. Лицо его, как и Григоровича, тоже озабоченное, но не торжественное. Уже несколько прекрасных вещей успели, что называется, вырвать у него из горла. На лице его скорее можно прочесть глубокую скорбь. Вон сидит Базилевский, Федор Иванович; рядом с ним полковник, флигель-адъютант, маленького роста, очень подвижной. Полковник суетится и все что-то показывает Базилевскому карандашом в каталоге. Далее видны: князь Львов, Лопухин, Демидов, Д. П. Боткин, князь Воронцов, князь Меншиков, Нарышкин, граф Строгонов, Зиновьев, Ханенко, Терещенко, – да всех и не перечтешь.

Аукцион в полном разгаре.

– 4,550 рублей, второй раз! – громко раздается голос аукциониста в безмолвствующем зале.

Третьяков с озабоченным видом подходит к продаваемой картине, долго и пристально рассматривает ее со всех сто-

рон, и затем уходит на свое место. Казалось, после такого тщательного осмотра, он сразу накинет сотню, а нет и две рублей.

– Рубь – слышен чей-то робкий, убитый голос, со стороны Третьякова. Смотрю на Павла Михайловича, чтобы узнать, он ли отвалил такую сумму. Но по лицу его ничего не узнать. Глаза полузакрыты и вся фигура его невозмутима.

Аукционист недоволен. Ему хотелось-бы, чтобы все сотнями, а нет – тысячами прибавляли, чтобы скорей к деду. Свирепо взглядывает он на Третьякова и затем, быстро обращаясь к остальной публике, осипшим голосом выкликает:

– 4551 рубль, кто больше?

Торг идет об небольшом этюде индийского храма «Тадж», величиной менее квадратного аршина.

Мраморный храм, причудливой индийской архитектуры, ярко блестел на ослепительном солнце своей белизной и, утопая в тени тропической зелени, отражался в зеркальной поверхности озера. Глаза с трудом можно было отвести от этой картины.

Общее молчание.

– 4,551 рубль – снова вопрошает аукционист и уже берет-ся за молоток. Казалось, вот-вот этюд останется за Третьяковым.

– 100 рублей!

– 200 рублей!

– 100 рублей! – Вдруг, точно кто подтолкнул любите-

лей, посыпались надбавки с разных сторон. Аукционист едва успевал выкрикивать цены.

– 4,651! 4,851! 4,951! – и оживленно, расширенными зрачками, поглядывал он по сторонам, ожидая новых и новых надбавок. В то же время он искоса, как-бы боязливо бросал взоры и на Третьякова. Аукционист очевидно не любил «рубля».

– Пятьсот! – неожиданно раздается из соседней залы. Кто-бы это такой? думаю. Заглядываю в дверку – в большом зале, на эстраде для музыкантов, восседал на стуле, поджав под себя ногу, князь Демидов-Сан-Дonato, в той же самой темно-синей визитке, в какой я видел его последний раз в Зимнем дворце, когда он приходил с Васильчиковым, перед самым прибытием Государя, взглянуть на выставку брата. Демидов сидел и любовался «Великим моголом в своей мечети». Освещенная ярким электрическим светом, картина была поразительно хороша. Любуясь ею, князь, в то же время, чутко прислушивался и к торгам. Он иначе не прибавлял, как, или 500, или тысячу.

– 5451 рубль, кто больше? – раздается снова тот же ошипший голос аукциониста.

– Рубь – опять слышится знакомый, хотя и робкий, но настойчивый голос Третьякова. Аукционист даже не поглядывает, откуда идет эта прибавка. Он хорошо изучил голоса покупателей.

В конце концов «Тадж» остается за Базилевским, с чем-

то за семь тысяч рублей.

Долго бился почтенный Павел Михайлович удержать за собой эту вещь, но оказался не в силах. Ведь он желал, по возможности, приобрести всю коллекцию, тогда как остальные господа торговались только на то, что им в особенности нравилось и, конечно, поэтому имели громадное преимущество пред Третьяковым. Так, например, и Базилевский – очень богатый человек: он заранее решил купить этот этюд, и, впоследствии, сам сознавался своим приятелям, что пошел-бы не только до семи, но и до семнадцати тысяч.

В первый день, к 5 часам вечера, была продана только часть индийских картин, всего 45 штук, и выручено было 52 тысячи рублей. Григорович, заметив утомление публики, вовремя остановил аукцион до следующего дня. На другой день проданы были остальные индийские вещи, 56 картин, на сумму около 65 тысяч рублей. Так что всего брат выручил более 117 тысяч рублей. Публика с нетерпением ожидала продажи военных картин, но их решено было не продавать, а везти за-границу и там показывать.

Не могу не рассказать про курьезный случай, который произошел у нас по окончании выставки, при укладке картин.

Всей плотничной работой, по установке и упаковке, заведовал у брата плотник Яков Михайлов, – костромич, Кологривского уезда. Красивый брюнет с окладистой бородой и быстрыми глазами, Яков был очень широк в плечах и силен.

Так вот, как-то под вечер, когда время было уже шабашишь, Яков обращается ко мне и с усмешкой говорит:

– Пойдем-ка, барин, я тебе что покажу – и ведет в одну из зал, где работало человек восемь обойщиков, под руководством хозяйского сына, парня лет 20-ти, с бледным одутловатым лицом, с черными усиками. Сюртук расстегнут, и на жилете болталась серебряная цепочка от часов. Хозяйский сын, как и остальные рабочие, уже забирал свои инструменты: молоток, гвозди, тиски, и все это укладывал в мешок. Обойщики с самого утра снимали прекрасный, малинового цвета плюш, которым были декорированы картины. Плюшу этого у нас было больше тысячи аршин.

Яков спокойно подходит к обойщику хозяину, тычет его, как будто шутя, под мышки, или попросту говоря, «под микитки», и весело восклицает:

– Что ты, Андрей Иванович, больно толст стал?

Тот, не оборачиваясь, сердито огрызается и, видимо, торопится уходить.

– Да постой, постой! – пристаёт к нему Яков, ласково обнимает, щупает бока и в то же время ловко выдергивает рубашку из под жилетки. Обойщик, оказывается, был весь толсто обмотан плюшем.

– Ай да парень! ты не хозяйский сын, а просто сын! – укоризненно говорит Яков. Тот между тем, сконфуженный, стоял растопылив руки, точно его облили ушатом воды.

Чрезвычайно забавно было смотреть, как на глазах всех

своих же рабочих, этот малый, по мере того, как Яков сма-
тывал с него плюш, вертелся на одном месте, точно чурбан
какой.

– Да ну же, вертись, вертись, скорее! – покрикивал Яков
и бесцеремонно тыкал его в бока кулаком.

– Ишь, ей-Богу аршинов 20 спер-бы! Право! Ну, убирай-
ся же! – кричит он, когда плюш был аккуратно сложен при
помощи этого же самого обойщика.

– Да мотри, расскажи своему батьке, как ты сегодня вло-
пался!..

Глава II

Сборы за-границу

Это было в апреле 1881 года. Михаил Дмитриевич Скобелев, страшно фальшиво насвистывая какой-то марш, без сюртука, нервно разгуливает большими шагами по мягким коврам обширного кабинета в доме князей Белосельских-Белозерских, что ныне дворец великого князя Сергея Александровича.

Генерал не в духе. Он только что вернулся из дворца, где представлялся Государю Императору Александру III, и вкратце докладывал Его Величеству о Текинской экспедиции. Серdito разглаживает он зараз обеими руками направо и налево свои рыжие раздушенные бакенбарды и поправляет на шее сбившихся Георгиев. Затем засовывает руки в карманы своих генеральских рейтуз, заправленных в высокие, лакированные сапоги, и снова принимается шагать по кабинету.

Я стою у окна и поглядываю на проезжающих по Невскому проспекту.

– Попросите, пожалуйста, полковника Баранка!¹, говорит

¹ Старший адъютант генерала Скобелева по строевой части.

мне генерал своим картавым голосом. Но Баранок уже входил в кабинет, как всегда насупившись, с толстым портфелем под мышкой.

– Отстаньте вы с вашими бумагами! надоели! – капризно кричит Михаил Дмитриевич. – Лучше поговорите вот о чем. Я еду за-границу, слышите? На днях, в Париж! – Затем обращается ко мне и спрашивает:

– А вы едете со мной?

– С удовольствием, ваше высокопревосходительство! Я уже писал брату, что непременно хочу приехать сейчас после экспедиции, – отвечаю ему.

– Ну вот и отлично! Ушаков² тоже едет. Так собирайтесь, готовьте себе заграничный паспорт! – и генерал протягивает мне руку в знак того, чтобы я оставил его заниматься бумагами с Баранком.

Алексей Никитич Баранок, как я убедился, проведя с ним два похода, турецкий и текинский, был замечательный человек. У себя ли дома, или в походной палатке, при докладе ли у генерала, когда, порой, наш почтенный Михаил Дмитриевич капризно разносил бедного, измученного, не спавшего несколько ночей Алексея Никитича, или во время самого жаркого сражения, когда тот верхом, на изнуренной лошади, скачет с приказанием от генерала в самую передовую ценстрелков, – Баранок все тот же, невозмутимый, хладнокровный. Росту был он среднего, коренастый, широкоплечий. Во-

² Адыютант генерала Скобелева.

лосы носил короткие, щеки и подбородок гладко брил, даже в походе. Щетинистые усы придавали его лицу суровое выражение. Вынослив Баранок был замечательно. Хорошо помню, как он в текинском походе, после того, как проскакал за генералом весь день при жаре слишком в 50 градусов, вечером садится писать деловые бумаги, и пишет всю ночь напролет, до самого утра, пока генерал не проснулся и не позвал его к новому докладу.

Деньщик Петров

Я выхожу от генерала в соседнюю комнату. Там сидел Михаил Иванович Ушаков, и мы с ним разговорились о нашем предстоящем путешествии за-границу. Я любил поговорить с Ушаковым. Он всегда, бывало, сообщит что-нибудь интересное. Так случилось и теперь.

– Что это, – спрашиваю я Ушакова, – не видно Петрова³ у генерала?

– А вы разве не знаете, что случилось с ним в Астрахани? – отвечает он. – Впрочем, ведь вы поехали прямо на Кавказ, а мы с генералом в Астрахань, поэтому и не знаете, улыбаясь рассказывал Михаил Иванович. – Помните, какой вообще Петров был невежа? По приезде же в Астрахань, где генерал ночевал на пароходе, с ним просто сладу не стало. Надел, знаете, генеральский китель с золочеными пуговицами, руки в карманы; и разыгрывает себе роль чуть не главного покорителя текинцев. Я, знаете, все терпел до поры до времени, пока он не нагрубил нашему Филиппу Александровичу⁴, просто обругал того, бедного. Ну, тогда я уже, конечно, доложил генералу, в чем дело. А Михаил Дмитриевич, знаете, что мне сказал? Прикажите, говорит, посадить

³ Петров – деньщик генерала Скобелева во время текинской экспедиции. Здоровенный детина с рыжими усами.

⁴ Имя вымышленное.

его в трюм и с первым же рейсом отправьте обратно в Красноводск. Пускай там его рассчитают. Он мне больше не нужен. – Как вам нравится?

– Превосходно! – восклицаю я. – Но интересно знать, как вы его посадили? Ничего, сразу покорился? Ведь он детина здоровый! – спрашиваю я.

– Э! очень просто: я передал приказание генерала капитану парохода, тот свистнул, и четверо здоровых матросов подходят к Петрову. А тот, надо вам сказать, только что купил себе новое ватное пальто в городе, и в самое это время входил на пароход. Матросы предлагают ему следовать за ними. Куда, и слышать не хочет! Тогда те, без дальних разговоров, подхватывают его под руки, и как он был, в новом пальто, подтаскивают к люку, и давай его туда пропихивать. А пальто претолстое, не лезет, едва-едва пропихали. Ну, просто потеха была! – добавил Ушаков.

– Отлично! восклицаю я. – Только, знаете, Михаил Иванович, ведь генерал сам избаловал Петрова. Ведь это на моих глазах было в Бами⁵: Петров подает генералу одеваться, и, не помню, что-то не потрафил. Михаил Дмитриевич оборачивается и бац того кулаком в ухо... А Петров не дурак: сейчас корчит плаксивую морду и отходит в сторону. Генерал же, вероятно вспомнил, что я был свидетелем такого проступка, за который он сам же строго преследовал офицеров, скорей достает из кошелька сторублевую бумажку и сует тому в ру-

⁵ Местечко в ахал-текинском оазисе.

ку. Ну сами посудите, не баловство ли это?

Мираж

Как-то, вскоре после этого разговора, встречаю опять Ушакова и спрашиваю его:

– А что, Михаил Иванович, не рассказывал я вам, как наш генерал на Черном море миражем любовался?

– Нет – нет! пожалуйста, расскажите! – восклицает тот.

– Постараюсь передать вам точь в точь теми же словами, как сам слышал от Баранка, говорю ему.

– Это, знаете, было, когда генерал возвращался из Турции в 1879 году. Сел он, кажется, в Буюк-Дере на громадный пароход добровольного флота «Россия». Вместе с ним был посажен целый пехотный полк, со всем обозом и лошадьми. Ну, вы конечно поймете, что при такой массе народа уследить за порядком было очень трудно. День был чудный. Солнце ярко сияло. Генерал сидел в кают-компании, в обществе офицеров N полка, и, по обыкновению, занимал их своими боевыми рассказами. Вдруг вбегают командир парохода и торопливо докладывает генералу:

– Ваше превосходительство, не угодно ли будет полюбоваться редким явлением на Черном море, миражем? – Генерал встает, а за ним, конечно, и все офицеры. Скобелев подымается за капитаном на мостик.

– Вот, ваше превосходительство, не угодно ли взглянуть: перед нами совершенно ясно видно устье Дуная, тогда как

по курсу мы находимся более 100 верст от берега, – торжественным голосом объясняет капитан. Мы смотрим и любимся. Устье Дуная, его берега, даже деревья отчетливо виднелись. Мираж, казалось, все становился резче и отчетливее. И чем дальше мы подаемся, тем Дунай становится виднее, даже цвет воды отделялся заметнее.

В это время все видят, как красивый пехотный офицер Абадзиев, который состоял при Скобелеве, ловко взобрался на самую верхушку мачты и оттуда наблюдает за горизонтом. Мачта шибко качается и дрожит.

– Слезайте прочь, Абадзиев! Я вас под арест посажу! Как вы смеете лазить без спросу? – сердито кричит на него Скобелев, боясь, чтобы тот не свалился.

– Не прикажете ли лот бросить? – не без некоторого смущения в полголоса спрашивает капитана его помощник. Тот в недоумении.

– Да, пожалуй, прикажите. – И затем, как-бы в свое оправдание перед генералом, кричит, не отрывая глаз от бинокля:

– Да ведь курс-то вы проверили?

– Так точно, – отвечает тот.

Бросают лот – 40 фут глубины. Мы, как есть, полным ходом валяем в берег.

– Стоп машина! – орет капитан.

– Что такое?.. – Шум! Переполох! Оказывается: солдаты, сколько за ними ни следили, успели навалить целую грудку ружей, шашек, штыков, как раз возле компаса; ну, конечно,

стрелку и отклонило.

– Вот вам и мираж! – смеясь говорит Ушаков. – Нечего сказать, угостили генерала редким явлением на Черном море!

Глава III

Берлин

15-го апреля, на Варшавском вокзале собрались родные и знакомые, проводить Михаила Дмитриевича Скобелева. Он уезжал за-границу. Генерал был в сереньком штатском пальто и в сером цилиндре.

Не скрою, что вид его в этом костюме, по крайней мере для меня, был несколько комичен. Скобелеву не шло штатское платье. Его манера держаться, его походка, расчесанные направо и налево бакенбарды постоянно напоминали военного. Но вот раздается второй звонок. Скобелев входит в вагон. За ним следует бывший его гувернер, француз Жирардэ, господин почтенных лет, маленький, худенький, подвижной, со склоченной седоватой бородкой. Скобелев очень любил Жирардэ. Затем вхожу и я. Ко мне заходит в вагон проститься брат мой Николай Васильевич, известный деятель по молочному хозяйству. Я познакомил его с генералом, и тот так сердечно обошелся с братом, точно и век знаком был. Браг до сих пор не может забыть этой встречи. Надо правду сказать, Михаил Дмитриевич умел покорять сердца людей.

Соседнее отделение нашего вагона занял знакомый Михаила Дмитриевича, некто П. Он тоже ехал в Париж. П. оказал-

ся преостроумным господином, и всю дорогу потешал Скобелева своими рассказами.

Надо прибавить, что я за-границей никогда не бывал, если не считать Турции и Румынии. Поэтому, чем дальше подвигались мы к западу, тем для меня все становилось интереснее и интереснее.

В Берлине мы пробыли сутки. Остановились в гостинице «Петербург». Утром, напившись кофе, Скобелев пошел со мной прогуляться по главной улице «Unter den Linden». Улица эта очень мне понравилась: широка и чисто содержана; здания же, на мой взгляд, не представляют собой ничего особенного. Первое, что поразило меня здесь, это пара громадных догов пепельной масти. Запряженные в маленькую тележку, они мирно лежали на панели, при входе в какую-то лавочку, высунув свои длинные красные языки.

Дорогой Скобелев зашел в лучший книжный магазин и заказал переслать ему в Россию все, что вышло замечательного, касающегося до военного дела за последние два-три года. Заказ этот, как потом я узнал, обошелся моему генералу приблизительно около 1000 марок. Когда мы шли обратно в гостиницу, то встретили, около Бранденбургских ворот, полк солдат с музыкой. Толпа мальчишек шла впереди и старалась попадать в ногу. Солдаты франтовски одеты и, по-видимому, хорошо содержаны. Когда знамя полка поравнялось с нами, Скобелев, чтобы отдать честь, высоко поднимает над головой шляпу. Только что прошел полк, как смот-

рю, нам навстречу едет в открытой коляске Император Вильгельм. Его характерное лицо, с седыми бакенбардами и закрученными кверху усами, трудно было не признать. Скобелев опять снимает свой серый цилиндр и, когда Вильгельм проехал, с некоторым пафосом говорит мне:

– Я очень люблю этого человека; он достоин уважения.

Что неприятно поразило меня тогда в Берлине, это страшная солдатчина. Она проглядывала во всем и на каждом шагу.

Вот навстречу нам идет молодой офицер, стройный, белокурый. Лицо гладко выбрито; рыжие усики тонко закручены кверху. Посмотрите, до чего оригинальна вся его фигура: плечи подняты чуть не до ушей; грудь как-то неестественно выпячена, и такая высокая, какой я не встречал у самых здоровых моих казаков. Мне ужасно хотелось узнать, не подложено ли было у него там что-нибудь, в роде ватки. Левой рукой офицер слегка придерживал золоченый эфес сабли, а правую горделиво засунул за борт сюртука. При этом локтями так вывертывал, точно они были у него на пружинах. И что мне в особенности странно показалось: при встрече с прохожими, офицер этот, как будто никого не замечал, шел совершенно прямо, точно все были обязаны давать ему дорогу. А уж важности в лице его было столько, что и рассказать нельзя. Я уверен, что у самого Мольтке такой важности и десятой доли никогда не бывало. За этим офицером встретили мы десятка два других, и у всех вид был точно такой

же, и все были с богатырскими грудями.

– И чего они так важничают, думают, что уже это очень умно, что ли? – говорю дорогой генералу. Так Скобелев мне на это с досадой ответил:

– А что станешь делать! Они могут важничать: они имеют право на это.

От Берлина до Кёльна

Поезд мчится с замечательной быстротой. Я смотрю в окно вагона и люблюсь видом окрестностей. Селения за селениями, город за городом так и мелькают, точно во сне. И какая громадная разница с Россией! Нет здесь соломенных крыш, нет этого длинного ряда бревенчатых домиков, выстроенных в один порядок. Нет этой невыходной грязи на улицах. Постройки здесь все каменные, прочные, крытые большею частью черепицею. Улицы мощеные. Везде чистота.

Начинает темнеть. Поезд несется все с той же стремительностью. Не помню, от какой станции, по обе стороны дороги начались фабрики и заводы, и что дальше, то больше. Такого громадного количества фабрик, сосредоточенных в одном районе, я никогда и не предполагал. Ночь уже совсем наступила. Я продолжаю смотреть в окно и не могу оторвать глаз от этой удивительной картины. Мне решительно представляется, что я еду по какому-то заколдованному миру гномов. Тысячи труб извергают столбы огненного дыма. Чудо-вищные печи, раскаленные до красна, в ночной темноте зловеще пылают. Огненные языки по временам вырываются из жерл печей и, как-бы облизывая самый остов трубы, высоко взлетают к небу. Тысячи окон в громадных фабричных зданиях, освещенных электричеством, мелькают на темном

фоне подобно звездам. Озаренные огнем лица рабочих, сну-
ющих около печей, среди моря дыма и пламени, дополняют
эту волшебную картину. И эта картина тянется не две, не три
версты, а несколько станций. Стоит только проехать от Бер-
лина до Кёльна, чтобы понять удивительную заводскую дея-
тельность Германии.

Жи́рарде́

До немецкой границы мы ехали в отдельном купе. Далее же по Германии – в общем вагоне 1-го класса. Здесь нас всю дорогу смешил своим поведением господин Жи́рарде́. Он, как истый француз и патриот, вообще не любил немцев; со времени же войны 1870 года, возненавидел их всей своей душой. А потому, как только мы уселись в немецкий вагон и поехали по немецкой земле, нашего Жи́рарде́, до того времени болтливового и веселого, как и все французы, не возможно было узнать: так он стих, прижался в угол и только изредка мрачно поглядывал исподлобья. Если же Скобелев, смеясь, обращался к нему с каким-либо вопросом, чтобы хотя сколько-нибудь развеселить его, то Жи́рарде́, сухо, коротко и даже грубо отвечал, и затем снова впадал в прежнее меланхолическое настроение. Он просто не мог слышать гнусливого восклицания кондукторов на станциях: «Bitt' anfstiegen, ihr Platz nehmen!»

Каждый раз, как он слышал эти слова, он саркастически улыбался и вполголоса презрительно повторял исковерканным манером эту фразу. За то надо было видеть этого француза, когда, наконец, раздалось давно ожидаемое им «Erquelines», название пограничной станции.

Жи́рарде́ точно переродился. Как-то вырос, выпрямился. Маленькая, круглая шапочка, надвинутая-было на брови, те-

перь съехала на затылок. Он так повеселел, что готов был на каждой станции целоваться не только что с кондуктором, но даже с каждым смазчиком.

Я в душе сравнивал его в это время с самим собой, когда, бывало, в юности, я возвращался из Петербурга на родину. И когда подъезжал я к нашей деревне, то готов был тоже броситься на шею первому встречному крестьянину, лишь-бы он был «наш».

Когда мы вступили в первый раз на французскую платформу, Жирарде сделался просто смешон. Он был в какой-то ажитации. То он хватал Скобелева под руку и тащил его что-то показывать, то П., то меня. Все он находил здесь прекрасным, целесообразным и в десять раз лучшим, чем на немецких дорогах. Он даже уговорил меня зайти в буфет и спросить бульону и чашку кофе. Но бульон оказался весьма плохого качества, а кофе подали в какой-то полоскательной чашке со столовой ложкой, вместо чайной, так неаппетитно, что я и пить не стал. Когда же мы тронулись дальше, и я заметил Жирарде, что немецкие вагоны гораздо удобнее и лучше французских, то он не на шутку обиделся и сказал, что я говорю это только для того, чообы его рассердить. Жирарде не мог допустить, чтобы у немцев было что-либо лучше, чем у французов. В этом отношении он увлекался до крайности. Как сейчас смотрю на него: сидит он у окна вагона, вертит между пальцами свою маленькую серебряную табакерку и с жаром что-то объясняет Скобелеву. Седая борода

его так и трясется. Он видимо расхваливает своему соседу возделанные и обработанные окрестности. «Voilà, voilà!.. et ces canaux... les Allemands... aucune idée»... долетают до меня его отрывочные восклицания...

Окрестности, действительно, очаровательны. Поля, парки, сады. Восхитительные, как игрушки, дачки, каналы, мосты, шоссе так и мелькают перед глазами. Нигде не видно ни пяди невозделанной земли. Все обработано. Везде видна рука человеческая.

Пока я так любовался окрестностями, вдруг слышу позади себя сердитый голос П.

– Чорт знает, да куда же он делся?

Смотрю, мой соотечественник, с заспанным, сердитым лицом, стоит в своей серенькой визитке наклонившись, и чего-то ищет. На правой ноге надет ботинок, а на левой нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.